
К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ, УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА

От редакции: С некоторым опозданием (лучше поздно, чем никогда) наш журнал отмечает на своих страницах 270-летие со дня рождения одного из самых выдающихся своих земляков XVIII—XIX вв. Андрея Тимофеевича Болотова, тульского дворянина, первого русского агронома, ученого, писателя и просветителя. И по сей час на тульской земле сохранились плоды его ума и рук: Богородицкий дворцово-парковый ансамбль, парк села Дворянинова — на полпути между Тулой и Серпуховым, его родовой усадьбы, куда он вернулся в 1762 году после службы в армии и участия в Семилетней войне, и развил невиданную для здешних краев парковую и земледельческую, агрономическую деятельность.

... Впрочем, о Болотове (ударение на втором слоге) излишне много говорить. Он был прекрасным бытописателем, выдающимся не только для своего времени, поэтому его надо читать. Тем более, что еще не является раритетом его двухтомник*, изданный сотысячным тиражом в Туле в 1988 году — к 250-летию «тульского энциклопедиста», как его назвал в одноименной книге Валерий Ганичев, отрывки из которой мы публикуем ниже.

Юбилею Болотова посвящена и последующая рубрика «Журнал в журнале: «Мосбасс» из Сокольников» (см. также фотографии в конце этого раздела и на второй странице обложки).

Валерий Ганичев
(г. Москва)

ТУЛЬСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ**

КТО ОН?

В московской квартире, где часто собирались на вечерний чай, именуемый литературными средами, было шумно и весело. Сидели по обыкновению без выпивки, за самоваром и морсами, но азарт споров достигал высшего градуса. Да и есть о чем поспорить русскому интеллигенту, ведь в сферу его интересов попадает и история, и новейшие космологические теории, и биологические последствия поворота север-

---

* Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737—1796: В 2-х тт. / Предисл. В. Н. Ганичева.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1988; Т. 1.— 526 с.; Т. 2.— 527 с. (Серия «Отчий край»).

** Из книги: Ганичев В. Н. Тульский энциклопедист: Историческое повествование.— Тула: Приок. кн. изд-во, 1986.— 159 с.

ных рек, и манера письма художника Васильева, и тот необычайный общественный интерес, что вызвала «Память» Владимира Чивилихина.

Сегодня для разговора был выставлен портрет Льва Толстого, написанный художником Силверстовым.

Портрет был необычный. Великий мудрец как бы выростал из земли, из борозд пашни, протянувшейся от левого угла картины. В то же время он как бы ниспадал с небес, изливался потоками из туч, сбившихся на горизонте. Порождение природы и высшее божество, возвращающееся на землю. Тревожно кружатся над пахотой черные птицы, а он — второй, силуэтный, — стоит согнувшись над черной землей, и напряженная его спина говорит, что рождается беспокойная и глыбистая мысль. В его глазах не было снисхождения, но не было и беспощадности. Они много видели и поэтому таким колючим взором упирались в мир. Кажется, художнику удалось воплотить великую мудрость и слабость человеческую, напряженную мысль и согбенность перед судьбой, бунтарство и примирение с жизненными невзгодами, глубинное прозрение и трагические иллюзии.

Юрий Буйрузов, молодой писатель, приехавший из Благовещенска со своим другом Володей Кузьменко на семинар, что проходил в Москве, с удивлением и некоторым неудовольствием стоял у портрета, потом отошел в угол и снова, не отрываясь, глядел в глаза мятежного старца.

— Да, тревога, но не такая всеобъемлющая и болезненная. Да, мысль, но не такая всепоглощающая. Да, великий человек, но не столь недоступный обычному восприятию.

Художник Милов и сотрудник «толстого» литературного журнала Королев спорили возле портрета.

Нет, нет. Он вершинен здесь, да и во всем творчестве. А коль вершинен, то отстранен от людей, возвышается над ними.

Этого не было. Он всегда тянулся к людям. Недаром ведь сам признавался Боткину: «Мне только одного хочется, когда я пишу, чтобы другой человек, и близкий мне по сердцу человек, порадовался бы тому, что меня радует, позлился бы тому, что меня злит, или заплакал бы теми же слезами, которыми я плачу». И художник понял его, но не отстранил от людей.

— Мда-а. Может быть...

Вечер заканчивался, споры утихли, Юрий Буйрузов тяжело вздохнул и тихо сказал сидевшему рядом Сергею Петровичу, хозяину квартиры и редактору издательства:

— Рукопись я у вас свою забираю, подумать надо.

— Что вы, Юра, нельзя же так поддаваться настроению. Нельзя на все реагировать сразу. У вас свой путь, свои раздумья, свой опыт.

— Ну, Сергей Петрович, я ведь и не сравниваю, просто хотелось отложить, подумать, посмотреть, почитать, послушать еще людей.

— Ладно, — сокрушенно развел руками хозяин, — это ведь ваша повесть, — и чтобы не досаждать смущающемуся Буйрузову, обратился ко всем:

— Однако что мы в следующий раз будем обсуждать, друзья?

Экспансивный и энергичный редактор научно-технического журнала, от которого все ожидали космических вариантов вечеров, неожиданно предложил поехать на Бежин луг. Выразительно жестикулируя, он стал пояснять, почему это надо сделать, хотя никто, собственно, не возражал.

— Бежин луг — наша национальная святыня. Несколько лет назад там кто-то попытался разворотить окружающие холмы, растащить на щебенку, сейчас их надо облагородить, засадить, превратить это место в наш национальный парк-заповедник. Можно помочь. Есть там замечательные люди-энтузиасты, и они ежегодно проводят праздник. «Тургеневское лето». Поют хоры, читают стихи, слуша-

ют Тургенева. Я там за один день услышал больше русских народных песен, чем за весь год на телевидении.

Решили, что на Бежин луг поедут обязательно, но позднее, в июне, к празднику.

— Я бы предложил, — немного застенчиво начал Александр Дмитриевич, аспирант биологического факультета МГУ, — съездить в Богородицк. Там создал в XVIII веке свой знаменитый парк Андрей Тимофеевич Болотов. Мало что осталось, но есть дворец. Можно почитать о нем — ведь он основоположник русской селекции, ученый-земледелец.

Особого отклика это не встретило. «Хотелось бы что-нибудь всеобщее, интересное для всех», — деликатно сказала красивая, пользующаяся повышенным вниманием студентка института культуры Катя, что часто пела здесь на вечерах народные песни.

— Однако, — начал горячиться Александр Дмитриевич, — Болотов и есть всеобщее. У него труды по истории, по медицине, по садоводству. По-моему, он достоин, чтобы мы о нем побольше узнали.

— Извините, Сергей Петрович, но я действительно ничего не знаю и не читала о Болотове, — чистосердечно призналась Катя.

— Ну, в этом грехе виноваты не только вы. Хотя нельзя сказать, что о Болотове не писали. Нет. Было несколько книжечек. Но тем не менее Болотов как-то полузабыт, отодвинут в нашей культурной истории на задворки. А ведь он большой русский писатель и историк.

— Ну насчет большого писателя, это вы, пожалуй, напрасно. Ведь в учебниках литературы вы не найдете его фамилии, да и современникам навряд ли его имя было известно по литературным журналам, — напористо и резко перебил язвительный критик и эссеист Анатолий Андреевич Кожуров, не любивший недоговоренностей и компромиссов.

— А я допускаю, что Пушкин знал Болотова, — вдруг стряхнул с себя дремоту прикорнувший на угловом диване известный всей Москве книголюб и библиофил Евгений Судаков. — Послушайте фразу Болотова, сколь упруга и конкретна она. Сколь вещно его слово, как привязано оно к предмету, осязаемо. Ведь так писать стали только в XIX веке. Так писать стал Пушкин.

— Полноте, Евгений Каллистратович! Болотов сидел себе в глуши Тульской губернии, писал впрок, и никто его не знал, кроме близживущих помещиков.

— Ошибаетесь, дружок, — грассируя и окончательно лишаясь дремотного состояния, зачастил Судаков. — Президент Российской Академии и председатель Вольно-Экономического общества Андрей Андреевич Портов и замечательный наш издатель, критик и писатель Николай Иванович Новиков высоко ценили Болотова. Допустим, Пушкин — это гипотеза. Но известно ли вам, что Александр Блок посвятил свою диссертацию Болотову. Нет, я бы отнес Болотова, — Евгений Каллистратович с почтением наклонил голову, — к разряду выдающихся писателей российских.

— И все-таки, — тихо и непреклонно, как бы продолжая сказанное вначале, добавил Александр Дмитриевич. — Я бы обратил прежде всего внимание на Болотова-естествоиспытателя. Ведь он отец русской помологии, то есть науки о яблоках и яблонях. Он вывел и распространил новые сорта груш, вишен, смородины. Он колдовал вокруг злаков, первый внедрил в центре России помидоры, распространял картошку, которая существовала в его время в основном на барских клумбах. Ну, а уж если воссоединить природу и поэзию, то его парк в Богородицке — одно из лучших сочетаний архитектуры, природы и человеческих способностей. Кстати, если попадется — почитайте книгу Бердышева «Андрей Тимофеевич Болотов — первый русский ученый-агроном», выпущенную в сорок девятом году в серии «Деятели русской агрономии».

Евгений Каллистратович, не возражая, подбрасывал в костер любопытства новые факты.

— А вы знаете, что Болотов писал любопытные стихи? Готовил все материалы для двух известных русских журналов? Где-то хранятся его нравоучительные пьесы? А его трактат «Детская философия»? — это откровение не только для людей его века. Ну, а еще он был медик, художник, экономист. Чем вам не представитель просвещенческого Возрождения в русской провинции XVIII века?

Участники вечера заволновались: многие действительно ничего не знали об этом человеке, другие знали понаслышке, третьи — односторонне. Хозяин был доволен, кажется, наметилась новая, интересующая всех тема будущего вечера.

— Вот и прекрасно! Друзья, давайте почитаем, поищем все об Андрее Тимофеевиче, порассуждаем о его месте в нашей культуре. Поспорим, ибо и сегодня он не обозначен в учебниках литературы, многих изданиях, сообщающих нам сведения о замечательных, наших предках, о великих людях страны. А я убежден, что он человек особенный, подлинный энциклопедист, не претендовавший при жизни на широкую известность и тем паче на славу, но она все больше приходит к нему с годами. Итак, читаем, изучаем, советуемся и встречаемся через месяц.

Все как-то одновременно встали, пошли одеваться.

В ЛЮБЕЗНОЕ СВОЕ ДВОРЯНИНОВО...

Путник выскочил из остановившейся кибитки и, вернувшись к исчезающему городу, долго всматривался в силуэт царственной и горделивой столицы российской. Сюда, на берега Невы, устремлялись те, кто хотел возвыситься в чинах, хотел быть представленным царствующим особам, от которых во всех землях зависели судьбы человеческие, кто хотел весело и пышно пожить, увидеть блеск двора, отсветы от которого будут и в старости согревать российского дворянина...

В северную столицу стремились жаждущие славы, почестей, удовольствий молодые люди. Уезжали же из нее только те, кто лишился денег, связей и молодости.

Путник же наш был молод, правда, судя по его кибитке, небогат и не родовит. И ехал он не в столицу, а стремился как можно быстрее покинуть ее пределы, умчаться за полосатые шлагбаумы застав и последнюю караульную будку. Отставной капитан Андрей Тимофеевич Болотов, служивший последние три месяца флигель-адъютантом у генерал-полицмейстера столицы Корфа, покидал Петербург. Шел 1762 год...

Что лишило его покоя здесь, на столь почетном и видном месте? Почему отказывался он от столь милых его сверстникам забав и увеселений? Куда и зачем устремлялся он из столицы?..

* * *

До рези в глазах всматривался Андрей Тимофеевич в отдалившийся Петербург. А тот растворялся, расплывался в слезах, из которых являлись неясные очертания других городов и селений, что посетил он за свою недолгую жизнь.

Где-то там, за пределами сознания, его милое, любезное сердцу Дворяниново, что в Тульской губернии. Откуда и начал он свое длительное путешествие, вначале с отцом, полковником Архангелогородского пехотного полка по Эстляндии, Псковской провинции. Затем и сам, будучи определенным в полк, проехал он по Курляндии, Пруссии, побывал в Петербурге, Риге, Ревеле и Кенигсберге. Здесь, в последнем, был он переводчиком при губернаторе Корфе. В этой завоеванной провинции жители были приведены к присяге на верность русской императрице после победы русских войск в Семилетней войне.

Все позади. Нынче, он, воспользовавшись указом «О вольности дворянской»,

мчится в отставку, домой, «на собственное пропитание». Тревожные предчувствия гнали Болотова из столицы, но пуще натура его, тяготеющая к мирному созиданию, к любованию природой и чтению книг. Книги, которые покупал он у кенигсбергских букинистов, петербургских купцов и рижских торговцев, стали его друзьями, он стремился к ним, наслаждаясь тихим общением, радуясь их мудрости. А сейчас: «Прощай, Петербург! Ах, что-то произойдет в тебе милый и любезный город? Не обогришься ли ты вскоре кровью граждан твоих и не текли бы целые потоки оной по твоим сточным и мостовым. Обстоятельства очень дурны, в каких я покинул тебя! Наготове все к их великому в тебе возмущению...»*

Знал, знал и чувствовал бывший флигель-адъютант, что в салонах вельмож, немецких пивных, офицерских собраниях кипит возмущение, как в котле под голыштинской крышкой Петра III. Вот-вот должен был разразиться взрыв под напором недовольства и негодования дворянских верхов. Нутром чуял это отставной ныне капитан, и не чувствовал облеченный всей неограниченной властью монарх великой империи.

«Слава Богу, что я упелся от тебя в благовремении,— думал о нынешнем Петербурге Болотов.— Но я-то, я-то! зачем... приведен был в недра твои? Не получил я в тебе в сей раз ни малейшей себе пользы, кроме того, что отставлен от службы; но сие не мог ли я при нынешних обстоятельствах и везде получить? Но не для того ли сие было, чтоб, во-первых, избавить меня через то от езды из Кенигсберга к полку бывшему моему, тогда в землях цесарских...»

Андрей Тимофеевич еще раз взглянул на Петербург. Казалось, лучи высоко вознесенного солнца взялись позолотить не только великое множество церквей, их куполов и колоколен, но и гордо возносящихся адмиралтейских и крепостных шпилей, крыши вельможных дворцов, листву успевших достигнуть со времен Петра изрядных высот деревьев. Город весь оплывал золотом, казался сказочным и богатейшим обиталищем богов. Болотов махнул головой, отгоняя наваждение, и продолжал тянуть нить своего немного грустного и трезвого размышления. «Во-вторых, чтобы я, находясь в тебе, имел случай видеть большой свет, видеть двор, и все происходящее в нем, насмотреться жизни знатных и больших бояр и насмотреться до того, чтобы получить к ней и ко всему виденному омерзение совершенное».

Андрей Тимофеевич вспомнил наушничество, лизоблюдство, разврат постельный, бесчестие, что окружало его часто, и перекрестился.

«Сие может быть и надобно было еще к тому, чтобы не мог впредь и ею никогда прельщаться, и тем спокойнее и счастливее жить в деревне, куда теперь ведет меня судьба моя!»

— Барин. Поправка сделана. Прикажете ехать?

Болотов соскочил с большого пня, куда он взобрался, чтобы яснее увидеть город, промолвил: «Прости, любезный град! Велит ли Бог мне когда опять тебя видеть?», и проворно вскочил в кибитку.

— Погоняй быстрее! Мочи нет, как хочу в Дворяниново!

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ

Сентябрьский день был светел и торжествен. Казалось, природа хотела устроить праздник возвращения блудного сына к полям, лугам, рощам и садам своим. С Андреем Тимофеевичем же творилось что-то необычное. Сердце его после Серпухова запрыгало, как птица в клетке, глаза увлажнились слезами, а душа распахнулась навстречу несущейся дороге. Не хватало груди, чтобы вдохнуть весь этот, немножко горьковатый, наполненный запахом скошенной ржи, увядающих трав воздух.

Вот и Городню проехали, Дурнево, Трешня остались позади, стали узнаваться

---

* В цитатах и выдержках сохранены авторские стиль и орфография. (Прим. ред.)

знакомые рощи, а затем и отдельные деревья. Соскочил тогда с повозки, поклонился белой хороводной роще берез, крикнул елям, что помнит их. И уже недалеко от усадьбы прижался щекой к крепкому и развесистому дубу. «Здравствуй, друг детства моего! Как я рад видеть тебя! И теперь уж до скончания дней своих будем мы вместе на земле этой дни проводить. Ты будешь шелестом листьев своих улаживать слух обитателей лесов этих, зеленью ваять красоту земли сей, а я землю эту беречь буду и украшать хочу вкупе с мужиками моими».

Дуб согласно кивал всей кроной, легким шумом листвы приветствуя друга молодости. Кучер, что спешил к жене своей, нетерпеливо поглядывал на молодого пассажира, и не успевал тот сесть на повозку, как он издавал такой молодецкий свист, что кони с места взвизывались и неслись, будто молнии небесные.

Но не все силы вешние хотели, видимо, чтобы припал он скорее к земле родимой. Загорела и задымилась ось, дым обозначил путь к дому. Хоть и снимали несколько раз колесо, тушили тлевшую ось, заливали ее водой, залепливали грязью, подмазывали — не помогало. Так и ехали в Дворяниново, как олимпийские боги, скоро и в клубах дыма.

Старинные большие ворота с широкой кровлей над ними и узорчатыми веревями недоверчиво взирали на приезжих. Но те быстро соскочили с повозки, распахнули две их скрипучие половины, и кони, как будто понимая, что то последний их рывок, сиганули через весь двор, замерев перед крыльцом в клубах дыма и пыли. А дальше были лобзанья, узнавание молодого барина и приговоры: «Вот и хорошо, что приехал, голубчик! Вот прирадосто нам, батюшко, тебя видеть!»

Болотов шагнул в дом. И здесь его радость, ожидание необыкновенного стали оседать, укладываться в ровный слой и даже испаряться. То, что казалось ему раньше красивым, большим и единственным, вдруг виделось дурным, малым и заброшенным. Потолок и стены дома предстали почерневшими, закопченными, окошки малюсенькими и тусклыми, а над всем этим господствовал какой-то пустынный, мертвенный запах нежилого, порожнего дома. Когда потом обходил он владения свои, то заметил, что сам дом почти врос в землю и стал столь низким, что из иных окон можно было и рукой достать до земли. Крыша дома его покрыта была мхом и даже травой. Небольшая временем разрушенная труба, уже была не проводником для дыма, а гнездом для галок, что с удивлением взирали на нового для себя человека.

Все Болотову представилось вдруг каким-то малюсеньким, мизерным и даже убогим. Он подумал: «Все вещи в малолетстве кажутся нам как-то крупнее и величавее, нежели каковы они в самом деле! Прежние пруды показались сущими лужицами, сады ничего не значащими и заросшими всякой дичью, строение все обветшалым, слишком бедным, малым и похожим более на крестьянское, нежели на господское, и расположение всему самым глупым и безрассудным». Да в довершение ночью, когда улегся он в постель, где спала прежде любимая мать, посетила его ночная гостья. Нет, не госпожа местная, не женщина приبلудшая какая-либо, а громаднейшая и препротивная тварь — крыса. Так ткнула она за палец, что выхватила порядочный кусок мяса, но тут же поплатилась за сие своей жизнью. Рану же, по обыкновению, пришлось залепить грязью и завернуть в тряпицу. Не в сражениях увечье было получено, а на родной земле, где пришлось с первого дня, а скорее ночи, рану сию претерпеть. Но не она терзала Андрея Тимофеевича, а убогость и обветшалость имения отчего, запустение земель окружающих. С первых взглядов на них думалось ему постоянно, как преодолеть оные, как превратить все окрест в сад цветущий. И когда упал он в передней комнате, где наполнили образа все полки и стены, то возблагодарил небо перед сими святынями, идущими от прадедов и предков, за благополучное возвращение в место, где родился и впервые познал радость окружающего мира. И в обращении толи к богу, толи к сердцу своему клялся: «Силы свои, разум и

руки отдам сей земле, сделаю ее еще краше, чем в детстве видывал. Денно и ночью трудиться буду и, клянусь тебе, Господь, что уйду из этой жизни, оставив здесь красоту, благополучие и землю, полную изобильных плодов и богатств».

ПЕРВАЯ ВЕСНА

Она запомнилась ему на всю жизнь... Ранним утром загремело, бахнуло, словно тогда пушки под Гросс-Эгерсдорфом в 1757 году.

Андрей Тимофеевич вскочил и стал спешно одеваться: уж не случилось ли что?

— Половод начинается,— позевывая, успокоил слуга Абрам. — Ныне рано. Поди, на десять ден раньше обычного. Ложитесь. Он, чать, всю неделю будет идти. А то и боле.

Болотов не стал слушать, сунул ноги в валенки, набросил полушубок и почти побежал на верхушку своей горы, дабы все окинуть единым взором. А с ребра горы открывался отменный вид. Вдали на полях лежал синевато-серый снег, пропускающий из-под себя земляные бугорочки. Зеленовато-серым ожерельем протянулись рощи и леса. Солнце разливало золотистые свои лучи по горизонту. А тихая их река Скнига вдруг вспучилась, затрещала ее холодная одежда и разлезлась ледяными ключьями на все стороны. Лыдины, почувствовав, что они не связаны друг с другом, кинулись вперед, налезая друг на дружку. Все ложе реки пришло в движение, тронулось и верхнее покрывало его, поплыло со скрежетом и треском.

Почти весь день простоял на горе Андрей Тимофеевич, никогда не видевший такого резкого «просыпания» природы. Виделось далеко, охват взором был широкий. Решил здесь на горе йотом поставить беседку, дабы всегда можно было любоваться этими далями, лесами, красавицей Скнигой. В душе все пело, вдруг понял, что раскрылась наконец она для любованья красотами натуры, то есть природы. И с той первой весны этот мир природы сделался для него так же необходим, как книги. Глядел он на поля, наполненные разнотравьем, и думал; глядел на рощи, шелестящие своей листвой, и советовался; глядел на цвет яблони, распустившейся по весне, и наслаждался красотой. Природа становилась для него другом, советчиком, сокровищницей знания, хранильницей красоты вселенской...

А лыдины неслись мимо Дворянинова еще несколько дней, царапаясь друг о друга, поднимая хрустальные фонтанчики брызг и нередко застревая на мелководе. Мужики баграми отталкивали их от лодок и то и дело выхватывали из воды больших рыб. Мальчишки носились вдоль берега, сталкивая лыдины ногами с песка, собирая рыбу, что бросали их отцы. Собаки лаяли, забегая сзади и спереди своих хозяев, подпрыгивали, норовя схватить рыбу или по крайней мере лизнуть краснощекого маленького мужичонку. Все сверкало, блестело серебрилось, кружилось в весеннем хороводе.

Андрей Тимофеевич не удержался и побежал вниз, в эту веселую и разноцветную кутерьму. Ух ты, как хорошо!

Но не знал он еще и не ведал, какое счастье ожидает его, когда зацветет его молодой сад. Ведь это было первое его рукотворное дело. Его и мужиков дворяниновских. С осени еще посадил он сотни молодых яблонек и тысячи маленьких липок. И вот молодая и нежная зелень коснулась их. А потом полыхнули цветы по бархатным коврам лугов. Записал: «Все они были прекрасны, все мне милы, все утешали зрение и услаждали чувствование сердца». Но понял, что сад предприятие хлопотное и непростое. Не одни сильфиды порхают над яблоневыми садами, а человеческая неразумность и темнота. Дело в том, что сад заложил Андрей Тимофеевич на старом коноплянике. А старый конопляник извести — то считалось у людей великим законопреступлением. Дворовые мужики угрюмо слушали его указания: вырывать корневища конопли и копать ямки. Никто не стронулся с места: страшно.

— Эх вы! Все боитесь. Да от излишнего уважения и почтения к старине старики наши так мало и оставили нам после себя вещей, могущих нам припомнить оные.

Расчертил тогда план, наметил, где яблони посадить, где липы, поставил колышки. Подвел мужиков к каждой метке и велел копать ямки. Мужики молча, с опаской ставили в них липки из соседнего леса и закупленные саженцы яблонь. Болотов носился то в лес, то на конопляник. Протягивал веревку, держал линейкой, мерил расстояния — все должно быть ровно и симметрично: сад-то должен быть регулярным. Вставал с ранним утром, ложился в темноте. Мужикам хотя было и не по душе, что барин рушит традицию, но дюже нравилось, что он с ними безвыходно от зари до зари трудится. Да еще спрашивает, как корни подрезать, на какую глубину садить, надо ли поливать осенью. Те пожимали плечами, садов своих не имели, да даже и соседние помещики были почти все без оных. Советами и желанием все сделать аккуратно и в точности, как говорил хозяин, выделялся Сергей Косой. Мужик бывалый, с покойным отцом побывавший и в Курляндии и на Украине и везде примечавший, какие деревья, как растут, как за ними ухаживают. Болотов и стал с ним советоваться более других. Сажал напротив и читал книгу иностранную по садоводству. Переводил сразу с листа и спрашивал: «Скажи, дядя Серега, а нам сие подходит?» Тот нередко в затылке почешет, головой покачает: «Неведомо сие пока. Попробовать надо». Андрей Тимофеевич, чтобы достоинство тоже не уронить, говорил: «Так будем садить по немецкому обычаю».

Сии книжные знания его много помогали, но немало и вреда принесли, ибо писаны были, как признался он сам себе «не на наш климат и не по нашим обстоятельствам».

Но как бы то ни было, вся осень и вся весна прошли в возведении сада и украшении его. Протянулись длинные прямые дорожки, вытянулись вверх тоненькие яблоньки, круглой кроной обрадовали липки. В центре сада посадил он островок елочек и уже взрослую липу, выкопанную в старом саду. А сбоку от сада заложил такой цветник, что слава о нем пошла по всему уезду. Правда, многие цветы доставила ему соседка Трусова, большая любительница этого украшения.

...Да, та весна была незабываема. Андрей Тимофеевич стоял в волнах яблоневого цвета, ветерок шевелил его волосы, пчелы, облетая голову, сноровисто заползали в цветы, а он всматривался в лепестки, завязь и «начатки плодов» будущих и дивился сложному и простому миру, его окружающему. Прошептал: «Какое множество приятных и неоцененных минут в жизни доставила мне уже и первая весна в деревне... Благодарю тебя, судьба моя, что доставила мне наконец то, что желало сердце мое: то есть свободную и мирную деревенскую жизнь».

ДЕНЬ В ТРУДАХ

Андрей Тимофеевич порешил для себя всегда вставать с восходом солнца. Распахивал окно в сад, вдыхал утренний прохладный воздух и несколько минут прислушивался к тишине, что заполнялась постепенно пением птиц, шелестом утренних ветерков, жужжанием пчел. Правда, дворяниновский маэстро-соловей поражал своими руладами лишь по вечерам, но и тут в утренней дымке звучала полноголосая и торжественная музыка. Цветы перед окном стряхивали с лепестков капельки росы и, омытые и свежие, приветливо поворачивали свои головки к солнечным лучам. Все было свежо, полно светом и радостью. Болотов чувствовал, как он сам оживал, наполнялся силой и энергией, жаждой творить, действовать, восхищаться. Этому правилу, вставать рано, он уже не изменял всю последующую жизнь.

...Утро начиналось. Тут и Абрам поспевал с чаем. Правда, чай тот был особенный, из травы буквицы, подслащенный медом и сливками. Сей напиток укреплял грудь и желудок, очищал голову и придавал бодрости. Натягивал затем простой де-

ревенский кафтан и опорки от сапог, сунув в карман какую-нибудь книжку, спешил встретиться со своим садом. Кланялся прежде всего яблоням, держал их ветки в руках, гладил липы; склонялся перед цветником и, присев в уединенном месте, читал. Была то всегда философская или богословская книга, с помощью которой воспарял он к небесам, к обладателю мира или к мыслям высоким и отвлеченным.

Но так как мыслям сим возвышенным, как и потехе, час, а делу — время, то поднимался он и начинал подвязывать ветки, стягивать их, обсекать серпом снизу кустарник, обрезать ножницами молодые деревья. Любил придать им какую-нибудь причудливую форму. Находил здесь же встававшего еще раньше садовника, кричал:

— Здравствуй, обитатель кущей райских! Начнем мы с тобой, дядя Серега, подчищать верхнюю терраску, там много дряни и негоди накопилось. Тут и полить надо, присохли на склонах деревца.

Появлялись мужики, прочищали дорожки, делали земляные лавочки и сиделки для отдохновения. Особой любовью были цветы. Он не мог отказать себе в удовольствии каждый день повозиться с ними. С радостью рассказывал приехавшим соседям и родственникам об этом чуде. «И боже мой! сколько невинных радостей и удовольствий произвели мне сии любимицы природы, украшающие собой первые зелени вешняя! Как любовался я разнообразностью и разной зеленью листьев и травы их! С какой нетерпеливостью дожидался распускалок цветочных и самого того пункта времени, когда они развертывались и расцветали! И самая простейшие и обыкновеннейшие из них как, например, орлики, боярская спесь и гвоздички турецкие, увеселяли меня столько, сколько иных не увеселяют и самые редкия американского произрастания, и более от того, что все они были мне незнакомы. А о нарциссах, тюльпанах, ирисах, лилеях, пионах и розах... и говорить уже не для чего. Сии приводили меня нередко даже в восхищение самое, и сделали мне маленький мой цветничок столь милым и приятным, что я не мог на него довольно насмотреться и налюбоваться. И... сделался до цветов превеликим и таким охотником, что не проходило дня, в который бы не посещал я его и по несколько раз не умывал рук своих, замаранных землею при оправливании и опалывании цветов своих».

После этих садово-цветочных трудов возвращался в свою комнату на завтрак. Тот был незатейлив и состоял из гречишной каши-размазеньки, приправленной хорошим чухонским маслом. Тут же делал записи о том, что было, и выписывал мысли достойные из книг. И опять в сад или в поле, где на коне объезжал все закоулки и участки. Давал распоряжения, надсматривал, примерял, задумывал переделки и улучшения. Обед был простой, деревенский, но вкусный, с овощами и зеленью. До него или после садился за рисунки, иногда так увлекался, что забывал все. Записал позднее одну такую картинку: «В сей работе упражнялся я обыкновенно днем и с таким рвением и прилежностью, что не могу и поныне еще позабыть, как я однажды так заработался, что позабыл даже об обеде и удивился сам себе, как личарда мой, Бабай, уже перед самыми сумерками подступил ко мне и стал спрашивать: не прикажу ли я на стол накрывать?»

— Как, удивясь, спросил я его: разве я еще не обедал?

Да нет еще, сказал он.

Ну, брат, хороши же мы с тобою, сказал я, захохотав. Я заработался, а ты так хорош, что мне и не напомнил.

Да я, сударь, все ждал приказания вашего.

— Ну, ну — хорошо. Собирай же скорее, а то нам и куры будут смеяться, что мы про обед забыли».

Перед ужином снова уезжал в поля и сад. Когда солнце клонилось к закату и люди возвращались с работы, удалялся Андрей Тимофеевич обычно в нижний свой сад, где облюбовал себе такое местечко, откуда виден был изгиб любимой им Скниги. То были

минуты созерцания и углубления. Последнее стадо покидало луга, почти застывала в движении река, солнце садилось в загоризонтный лес, а вместе с этим подводилась и черта дневным заботам. И тут, как бы сшивая светлую и серую ткань дня и вечера, пронизывал тишину соловей. То был волшебный кудесник и великий мастер, что заставлял замереть все кругом, прислушаться к красоте, забиться в нетерпенье сердце человеческое. Слеза катилась по лицу Андрея Тимофеевича, грудь теснили рыдания, хотелось обнять все кругом. Ветки раздвинулись и Бабай, тихо присвистнув, сказал:

— Ужин готов, барин!

СОСЕДИ

В то время начали многие дворяне возвращаться в свои имения. Благодарили Петра III, преставившегося в бозе, бывшего императора. Как писали в манифесте по сему случаю: умер от геморроидальных колик. Новую императрицу Екатерину II тоже благодарили. Не остановила указ о вольности дворянской, не отклонила, не запретила дворянам самим себе выбирать дело: или служить по линии военной, или в гражданских местах продвигаться, или оставаться в имениях своих, занимаясь домоводством.

Чувствовалось, что императрица основной и становой класс империи — дворянство будет блюсти и заботиться о нем. И немецким духом не давит, все по русским обычаям править собирается... Андрей Тимофеевич своей свободой упивался безмерно, каждодневные визиты наносил к своим яблоням и липам, но понял, что навещать надо соседей, а то подумают, что бирюк бирюком. Сильно, правда, тратиться во времени не хотелось: дни на визиты свои уходят, а толку мало, хорошо бы, как Корф: вместо себя его тогда в Петербурге посылал наносить визиты. И честь оказывал посланником личным, и не тратил время на бездельные светские разговоры. Но был Болотов не генерал-полциммейстер, послать вместо себя никого не мог. Поэтому первый свой самочинный визит направил к ближайшему своему соседу и дяде Никите Матвеевичу Болотову.

Тот сидел на веранде, в одной белой нижней рубашке и держал в левой руке подзорную трубу, разглядывая окрестности. Правая же рука лежала в черном тафтяном мешочке. Когда он встал, то оказался высок, но не стройностью своей, а сутулостью высота его означилась. Весь он был какой-то поломанный, лицо кривое, и только взор прямой, острый, заставивший Андрея Тимофеевича опустить глаза долу. Взгляд сей исходил из одного глаза, который столь пристально и внимательно смотрел на собеседника, что тот чувствовал какую-то неловкость и начинал искать в своей одежде огрехи. Андрей Тимофеевич почувствовал себя, как на вертеле, потом только понял, что Никита Матвеевич буравит его одним глазом.

Генерал махнул рукой и крикнул:

— Софья Ивановна! Неси мундир, юноша приятственный к нам явился. Здравствуй, здравствуй, капитан отставной! Я уже прослышан, что ты от службы военной сиганул в свои деревенские омуты.

Из дверей вышла молодая пышная и круглолицая женщина. Станом и одеждой похожа была более на купчиху, чем на превосходительную генеральшу. Она заворковала, запела, зажурчала и все бросала незаметные взгляды на своего хозяина, как бы советуясь и испрашивая разрешение на изъявление чувств своих. Никита Матвеевич, облачившись в мундир, отвечал решительно, и сурово:

— Готовь обед, мать! Сей гость у нас остается.

Андрей Тимофеевич попытался отказаться, ну да кто генералам в провинции перечить может?

— Я тебя, голубчик, уже знаю. Знаю, что домоводством и экономией хочешь заниматься по немецким образцам. А мы их били в Пруссии. Все свои расчеты и подсчеты мне противны, и я в назем не возиться не буду. Я дворянин и генерал, а не жук навозный.

Андрей Тимофеевич опустил глаза. Никита Матвеевич уловил, что тот изменился в настроении, и уже миролюбиво закончил:

— Да нет, порядок я тоже признаю,— затем, склонившись к плечу гостя, тихо сказал: — Я хоть и генерал, а беден. Посему разносолами тебя не накормлю, но жив будешь.

Он раскатисто захохотал, хлопнул в ладоши и крикнул появившемуся лакею:

— Две трубки и две рюмки! А ты рассказывай, что там в столицах? А впрочем, то дело пустое. — Глаз его хищно завращался, забуравил: — Ты, я вижу, на мою жену вперился и, поди, вопросом мучаешься, почему она столь сильно моложе меня. Скажу, скажу, дружочек!

Андрей Тимофеевич и не просил его об этом, ему хотелось в сад к своим яблоням и липам. Генерал, не приглашая, выпил рюмку.

— Так вот, дорогой, моя первая жена была гулящей бабенкой и спуталась со священником вашим Илларионом.

Андрей Тимофеевич сию историю уже слышал, как слышал уже несколько раз о том, что генерал был изрядный ревнивец и довел первую свою жену до гибели. Илларион же был человек дряхлый и навряд ли женскими красотоми прельстившийся. Генералу же он, однако, не возражал, а тот, хлопнув еще раз в ладоши, продолжал доверительно:

— Та жена моя, первая, недавно умерла, а я вот снова женился. Изволь, братец, я тебе расскажу, как я ее атаковал.

Гость не знал, что и говорить. Был он хоть и жаден до знания всякого, но излишних тайн не желал ведать, ибо те, кто их доверяет, потом требуют взамен таковых же.

— Так вот, случилось некогда сей госпоже ехать сквозь нашу деревню, в село Кошкино, где имела она родственников. Лишь только начала въезжать в наше селение и в околицу против самых ворот моих, как зацепил вереву от ворот ее кучер, и так неловко, что изломались от того ось и колесо. Разослала она людей своих, чтобы искать колесо и дерево для подделания оси. Слуга ее и обратился ко мне с унчиженнейшею просьбою о воспоможении госпоже его в ея нужде. Я, конечно, согласился, не зная еще, есть ли в доме тому способное, а слугу заставил рассказать о его госпоже и обо всем, до нее относящемся. И сей шельмец рассказывает, что его госпожа нестарая вдова, что имела намерения выйти вторично замуж, и что у ней есть хорошие степные деревни и достаток изрядный. Мне же одиночество тоже наскучило, и я перед этим положил неотменно жениться на другой жене, как скоро найду себе невесту по своим мыслям. Я ее и пригласил у себя переждать починку. И пока она переходила мой двор, то сразу мне и понравилась статью и походкой. Я ее угостил отменно и без обиняков, и... что ты думаешь? — Никита Матвеевич опять хлопнул в ладоши и опорожнил рюмку.— Я ей сразу без дальних околичностей предложил свою руку. Мою госпожу Миткову сие предложение поразило и очаровало.

Генерал встал и прошелся по веранде, вспоминая, видать, одно из славных его батальных дел. Погладил усы.

— Да ить кто не хочет быть превосходительною дамою! Посему мое предложение ей вовсе не противно, а напротив того, приятно было. Ну я железо сковал, пока оно горячим было, и в тот же день ударили по рукам и повенчались в церкви. Вот и живем в мире, согласии и счастья!

Однако же Андрей Тимофеевич сразу увидел, что жена его не столь была счастлива, как тот об сем говорил, и в своих поступках столь связана по рукам и по ногам, что было видно: все ласки и любовь являются только для гостей и посторонних, а на самом деле жизнь их не так была блаженна и хороша, как снаружи казалось.

Таков был первый сосед, коего он посетил. Заехал он потом и к другим, что тоже своими нравами, заботами и причудами запомнились. Многие и вошли потом и историю этими своими реальными приметами, что легли на зоркую и впечатлительную память Болотова.

ВИДЫ ДВОРЯНИНОВА (Фото Галины Плотниковой)

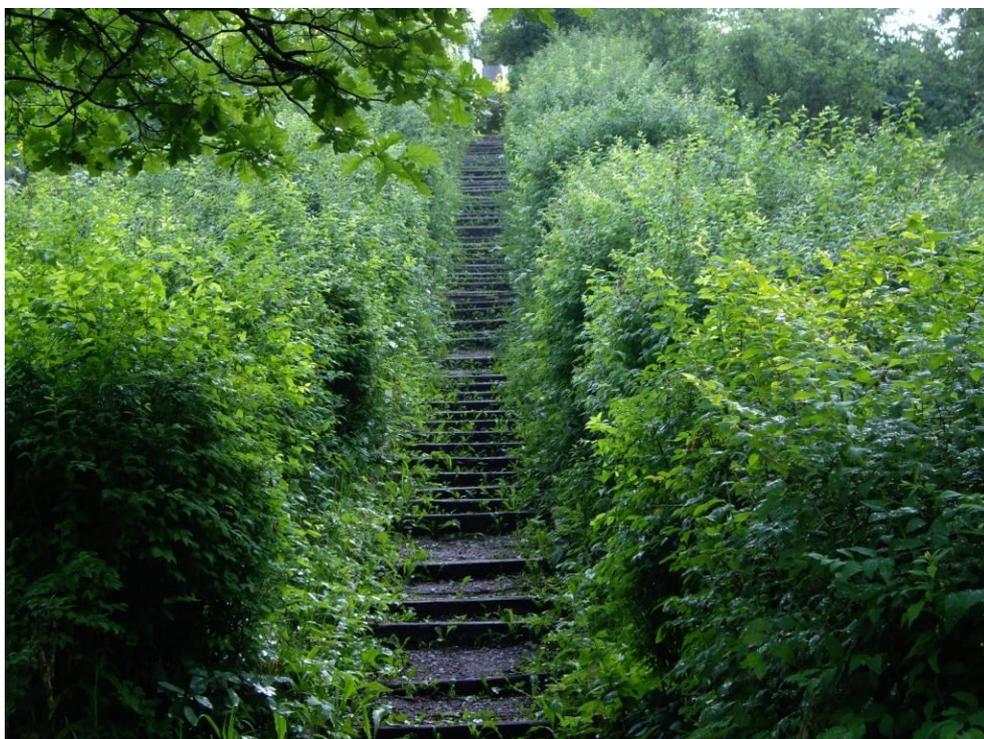
Один из каскадных прудов

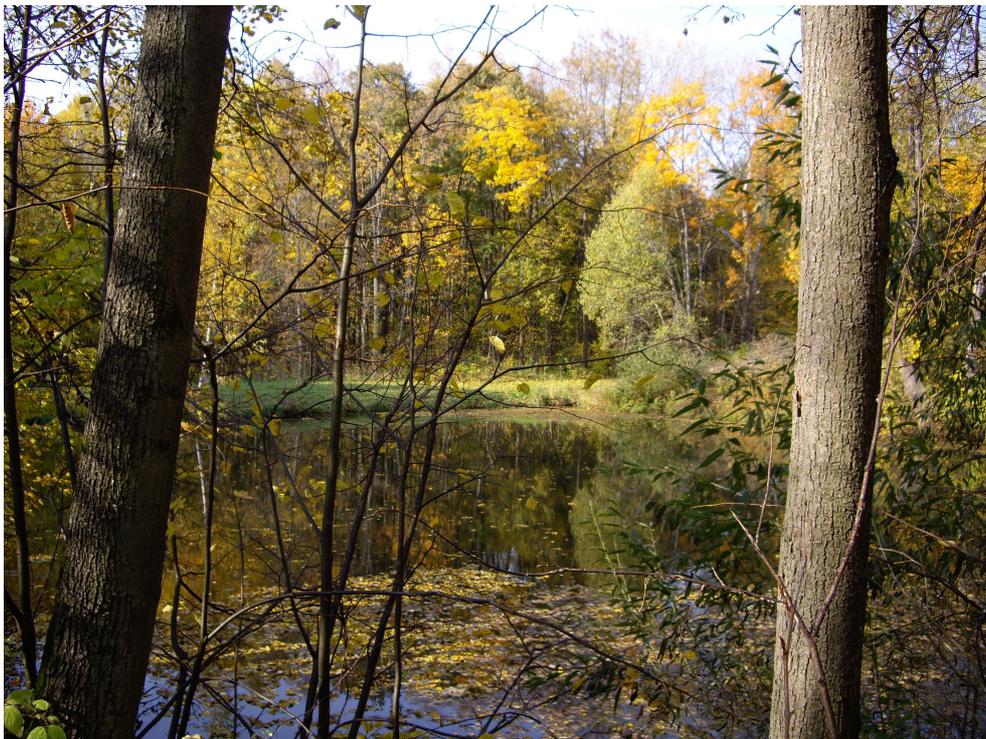
Аллея в болотовском парке

Подвесной мост к музею через реку Скнигу

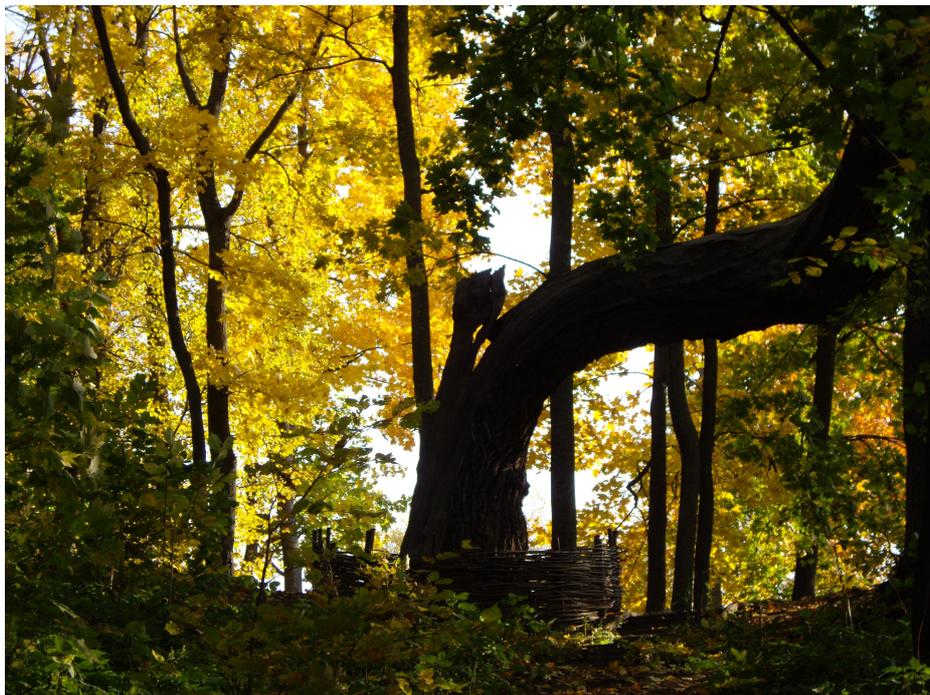
Лестница к музею от реки Скниги

Пруды в усадьбе А. Т. Болотова

Плотина нижних прудов

Это дерево — современник А. Т. Болотова

Ежегодный концерт в музее: со своей ученицей поет летний житель Дворянинова, солист оперы Большого театра (бас) Николай Филиппович Низиенко, недавно издавший в «Библиотеке журнала «Приокские зори» свою книгу: «Маленькие истории артиста Большого театра» (Тула, 2009)